

Круглый стол в ИДВ РАН

Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений

Четыре встречи руководителей РФ и КНР в нынешнем году продемонстрировали их стремление выстраивать отношения двух стран с учетом новых тенденций в мировой политике и инициатив, с которыми выступают оба наших государства.

Выступая 14 мая на открытии Международного форума «Один пояс, один путь» в Пекине, Президент России В.В. Путин подчеркнул необходимость «снимать инфраструктурные ограничения для интеграции и создавать систему современных связанных транспортных коридоров». По его словам, инфраструктурные проекты, заявленные в рамках ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь», в связке с Северным морским путем способны создать принципиально новую транспортную конфигурацию Евразийского континента.

Встречи Путина с Си Цзиньпином на саммитах ШОС и БРИКС, а также летний визит Председателя КНР в Россию показали, что Москва и Пекин находятся в активном поиске новых форм взаимодействия, нового качества двусторонних отношений.

Во время встреч двух лидеров по новому прозвучали вопросы двустороннего сотрудничества на международной арене. Находясь в Москве с официальным визитом, Председатель КНР подчеркнул: «Мы настроены на усилия с Россией по координации и взаимодействию в международных делах... для совместного преодоления глобальных угроз и вызовов... в целях формирования нового типа межгосударственных отношений на основе сотрудничества и взаимовыгоды».

16 июня 2017 г. Центр изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Институт Дальнего Востока РАН организовал «круглый стол», в ходе которого эксперты ИДВ, Института востоковедения РАН и ряда других научно-образовательных организаций обсудили актуальные проблемы российско-китайских отношений на современном этапе с учетом прихода к власти в США новой администрации, взаимодействия двух стран по сопряжению инициативы КНР «Один пояс — один путь» и интеграционных процессов в рамках ЕвразЭС. Были также рассмотрены «узкие места» в двусторонних связях.

Ниже публикуются материалы состоявшейся дискуссии.

1. Китай в мировой политике после прихода к власти новой администрации США

Внешняя политика Си Цзиньпина: день сегодняшний

А.В. Ломанов, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений (ЦИПРКО) ИДВ РАН, доктор исторических наук, профессор:

Внешняя политика КНР переходит в наши дни от следования заветам Дэн Сяопина «скрывать свои возможности» и «не становиться во главе» к активному осуществлению комплексной стратегии. Началом нового этапа стала фраза об «энергичной и деятельной» (*фэньфа ювэй*) китайской дипломатии, произнесенная Си Цзиньпином в октябре 2013 г. на совещании по дипломатической работе.

В китайских публикациях часто вспоминают слова «у слабого государства нет дипломатии». Их произнес высокопоставленный дипломат Лу Чжэнсян, столкнувшийся в 1919 г. с несправедливым отношением западных держав к Китаю на Парижской мирной конференции. Ныне Китай все больше осознает себя сильным государством. Современные лозунги осуществления «мечты о возрождении китайской нации» и укрепления «четырех уверенностей» — в пути, теории, строе и культуре — нацелены на то, чтобы побудить китайцев перестать сомневаться в своих возможностях.

Краеугольными камнями обновленной внешней стратегии Китая стали концепция «сообщества судьбы», идея «международных отношений нового типа» и инициатива «один пояс, один путь». Происходит их активное продвижение по всем направлениям, в том числе, в сопредельные страны, включая Россию. В двусторонних отношениях появляется новая тема степени готовности России к росту интеллектуального и культурного присутствия Китая в Евразии и внутри самой России.

Китайская инициатива «один пояс, один путь» уделяет большое внимание роли «мозговых центров» в продвижении гуманитарного сотрудничества со странами, расположенными вдоль транспортных и экономических коридоров. Эта идея была подтверждена и развита в мае 2017 г. на саммите «пояса и пути» в Пекине, когда китайская сторона заявила о стремлении «задействовать роль мозговых центров, создать альянс и сеть» их сотрудничества.

Накопленный опыт проекции за рубеж «мягкой силы» в сфере культуры дал Китаю основу для перехода на более высокий уровень создания механизмов влияния на зарубежные элиты. В этой ситуации России необходимо иметь собственные сильные исследовательские и аналитические центры, способные действовать как равноправные партнеры в диалоге с китайской стороной, продвигать российские взгляды и подходы. На фоне неуклонного увеличения разрыва в пользу Китая экономических потенциалов двух стран России следует приложить усилия для обеспечения интеллектуального паритета.

Стремление превратить «пояс и путь» в комплексный экономический, политический и культурный проект китайские эксперты объясняют тем, что для успеха в деловом сотрудничестве требуется преодолеть недоверие иностранцев к Китаю. Исследователи отмечают, что многие страны «пояса и пути» хотят в экономике опереться на Китай, но в политике и культуре равняются на Европу и Америку. По их мнению, в таких странах Китаю следует в приоритетном порядке наращивать свое культурное влияние.

Прошло более десяти лет со времени появления в 2004 г. за пределами Китая первого Института Конфуция. Теперь китайские эксперты обсуждают возможность использования этих структур при реализации стратегии «пояса и пути». Они рекомендуют Институтам Конфуция «выходить за стены вузов» и выносить пропаганду китайской культуры на уровень общества, становиться создателями системы преподавания китайского языка и изучения Китая, если в стране пребывания их прежде не было.

Речь идет о поддержке бизнеса и о воспитании симпатизирующей Китаю деловой и политической элиты.

По мере продвижения проекта «пояса и пути» культурное влияние Китая в постсоветской Центральной Азии будет нарастать. Ограниченность ресурсов России ставит под вопрос возможность балансирования этой стратегии сопоставимым расширением пропаганды российской культуры. К тому же рациональная и светская по своей природе китайская идеология способна играть конструктивную роль в качестве противовеса распространению экстремистских идей, угрожающих стабильности региона. Трактовка культурного присутствия России и Китая в Центральной Азии как игры с нулевой суммой не описывает реальной сложности проблемы.

Китай готовится бросить вызов «дискурсивной гегемонии» Запада и выдвинуть собственную повестку дня по вопросам глобального управления и мировой экономики. Он подчеркивает, что идеалы его современной внешней политики представляют цивилизационную альтернативу западной политике экспансионизма, колониализма, баланса сил, концепции реализма и т.д.

Серьезное ухудшение отношений с Западом способствует превращению России в единомышленника Китая в борьбе за формирование альтернативного центра «дискурсивной власти». Россия не вступит с Китаем в спор в качестве защитника ценностей западного либерализма. Вместе с тем, нет оснований говорить о полном и безоговорочном принятии Россией китайского лидерства в этой сфере, основанного на ценностях традиционной восточной цивилизации. Оптимальный путь — это совместная равноправная разработка глобальных инициатив, сопряжение ценностных и мировоззренческих подходов.

Новые китайские внешнеполитические концепции еще не получили четкого оформления, однако между ними выстраиваются взаимосвязи, позволяющие преодолеть первоначальную неконкретность. К примеру, призывы к созданию «сообщества судьбы» следует сопоставлять с китайской идеей «совместного обсуждения, совместного строительства, совместного пользования» в отношении международного порядка. Си Цзиньпин подробно изложил китайские подходы к данной теме в 2016 г. на саммите «двадцатки» в Ханчжоу. Речь идет о том, чтобы все страны вместе обсуждали новые правила глобального управления, создавали на этой базе новые механизмы и потом наслаждались результатами развития. Формально эта трактовка не исключает из процесса «совместного обсуждения» ни одну страну, в том числе Россию.

Обещание «не становиться гегемоном» (*бу чэн ба*) вошло в китайский политический лексикон в 1970-е годы в период «культурной революции». На протяжении десятилетий этого отрицания было достаточно для описания ориентиров китайской внешней политики. В древней конфуцианской традиции сформировалось противопоставление «пути жестокого правителя-гегемона» и «пути добродетельного правителя-вана», обладающего моральным правом на царствование. Широкомасштабная внешняя пропаганда достоинств китайской культуры в наши дни нацелена на то, чтобы обосновать глобальный статус Китая как «добродетельной державы».

Китай подчеркивает, что его политика всегда будет миролюбивой, поскольку стремление к миру заложено в «генах» гармоничной и толерантной национальной культуры. С этой позиции любые рассуждения иностранцев о китайской «агрессивности» являются не более чем проявлением недостатка знаний об истории и культуре. Чтобы иметь возможность содержательно, компетентно и объективно высказываться по этим вопросам, России нужно бережно сохранять и развивать традиции отечественного китаеведения и востоковедения.

Характер состояния современных отношений России и Китая

Ю.М. Галенович, главный научный сотрудник ЦИПРКО ИДВ РАН, доктор исторических наук, профессор:

В настоящее время мы оказались в своеобразном «новом реальном мире». Одной из его особенностей является то, что Китай становится в нем главной темой размышлений для всего человечества. Проблемы, возникающие в Китае, равно как и исходящие из него, приобрели глобальный характер, представляются важнейшими в наше время. Поэтому сегодня вопрос о взаимоотношениях с Китаем, о политике в отношении Китая — главный вопрос внешней политики России.

Китай перешел от накопления сил к активным действиям наступательного характера, к осуществлению глобальной стратегии. Она проявляется всесторонне, во внешне мирной и в агрессивной форме, в двусторонних, многосторонних, региональных, глобальных взаимоотношениях.

Если исходить из пропагандистских утверждений ЦК КПК, то партия накануне своего очередного XIX съезда прежде всего хотела бы, чтобы и внутри страны, и на мировой арене ее воспринимали как авангард нации Китая.

Мысль о нации Китая — центральная в современной идеологии КПК, ядро этой идеологии. Эту нацию предлагается видеть как великую нацию. При этом речь идет о великом возрождении великой нации Китая. Величие китайской нации — вершина современной идеологии КПК. Это ее современная национальная идея.

Идеал, к которому стремится сегодня КПК, это не далекое и прекрасное будущее, хотя так в КПК говорится о коммунизме, — но прошлое. В этом смысле партия обращена в прошлое. Она говорит о возрождении прошлого, великого прошлого. И здесь высвечиваются такие стороны современной идеологии КПК, как фактическая замена интернационализма обособленностью, отдельностью и исключительностью и нации Китая, и КПК, и ее идеологии.

Именно поэтому речь идет об исключительно китайском самобытном социализме, о китаизированном марксизме, то есть присущем исключительно Китаю, «принадлежащем» Китаю, как его «собственность» или его «имущество». С точки зрения этой идеологии отныне в мире существует единственный, исключительно китайский марксизм, социализм, коммунизм.

Одновременно современная идеология КПК предлагает человечеству нечто общее. Вместо прежней марксистской идеологии, лозунга «Пролетарии всех стран, соединитесь» и объединения трудящихся, пролетариев всех стран, рабочих и крестьян всех стран ныне выдвигается мысль о единстве всех людей на Земле в ходе осуществления экономической глобализации.

Нация Китая выдвигает идею экономической глобализации, предлагая себя как наилучшего в истории, в настоящем и в будущем управляющего делами человечества в ходе экономической глобализации.

Поэтому речь идет о глобальном управлении. Предлагается признать право и способность нации Китая, ее авангарда КПК осуществлять глобальное управление глобальными делами в ходе экономической глобализации. Речь идет о том, что «Китай будет делиться своим опытом государственного управления (то есть управления делами государства) со всеми странами мира» («Жэньминь жибао», 15 января 2017 года).

Другими словами, ставится задача, согласно которой реализуется «глобальная концепция управления» или, как писала 15 января 2017 г. газета «Жэньминь жибао», «при помощи китайской программы и полных китайской мудрости мер по реформированию системы глобального управления Китай берет на себя большую ответственность в сфере глобального управления».

Во всем этом сквозит такое представление о соотношении нации Китая и «остального человечества», которое предполагает признание «остальным человечеством» нации Китая, ее программы, мудрости, начальствующего положения, положения хозяина, господина, распорядителя делами всего человечества.

В частности, вводится мысль о «китайской мудрости» применительно к делам всего человечества. На самом деле, мудрость — это понятие общечеловеческое; все народы обладают мудростью; ни у кого нет оснований выпячивать исключительность и тем более превосходство своей мудрости.

Наконец, неотъемлемой составной частью идеологии КПК является «концепция мирового сообщества с единой судьбой» («Жэньминь жибао», 15 января 2017 г.). Это — мысль об общности судьбы человечества, различных его частей, прежде всего, Азии, Центральной или Средней Азии. Имеется в виду общность судьбы и каждой нации, и ряда наций того или иного региона, и всех наций на Земле с нацией Китая. Фактически выдвигается лозунг: «нации всех стран, объединяйтесь, десять тысяч лет великому сплочению народа мира», при естественном понимании того, что это должно осуществляться под руководством великой нации Китая, ее вечного, рассчитанного на десять тысяч лет государства.

Человечеству предлагается находиться в «зоне или в полосе Шелкового пути (полосе Шелка или полосе Чая, в полосе Китая)», примкнуть к движению нации Китая, видя в предложенных ныне руководством КПК «сухопутных и морских коридорах» центральный инструмент и средство осуществления идеала «*да тун*» — «великого единения, великой гармонии», то есть достижения общности судьбы наций всего мира с нацией Китая. Современное руководство КПК идет к XIX съезду партии со своей идеологией, которую оно предлагает как знамя самой нации Китая всему человечеству.

Встала проблема осознания характера взаимоотношений Китая и «остального человечества». Стоит вопрос: удастся ли Китаю и «остальному человечеству» приспособиться друг к другу.

Вечный мир, абсолютная независимость и полное равноправие — это принципы взаимного приспособления. Они должны лежать, в частности, в основе взаимоотношений с Китаем. Их необходимо защищать, недопустимо отступление от любого из них. Их соблюдение может углубить знакомство, содействовать нахождению взаимопонимания, а на этой основе — возникновению взаимного доверия, что может стать фундаментом вечного мира, добрососедства, дружбы и сотрудничества во взаимоотношениях России и Китая.

Отношения между Россией, Китаем и США: состояние и перспективы

А.С. Давыдов, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», кандидат исторических наук:

Известно, что приход Трампа в Белый дом произошел в непростой для мира момент на пике глобальной турбулентности, порожденной событиями на Ближнем Востоке, на Украине, миграционными проблемами и предвыборной борьбой в ряде европейских стран.

Одновременно на этапе перехода от монополярности к мультивариантности мировой архитектоники происходит противоборство и смена элит: устремления идеологизированных апологетов глобализации — выдвинутых «спекулятивной» финансовой олигархии пришли в столкновение с интересами представителей индустриального капитала — инвесторами реальных секторов экономики. К ним и принадлежит Д. Трамп с его идеями укрепления внутренних рынков, роста и развития собственной индустриальной базы, разрыва международных торговых договоренностей, чреватых экономическими потерями, увеличения добычи отечественной нефти и сокращения ее импорта.

В такой ситуации отношения в американо-китайско-российском формате и анализ перспектив их развития, безусловно, приобретают особую актуальность и значимость.

Сегодня **главный вопрос для Китая** заключается в том, **будут ли темпы роста его амбиций соизмеримы с ростом его совокупной мощи? А для США — в уяснении соотношения** между пользой от конфронтации с КНР и выгодой, получаемой от конструктивного сотрудничества с этой страной.

Когда большинство российских СМИ настаивают, что у Трампа нет четкой и внешнейполитической стратегии, они правы только отчасти. Ее наметки существуют, и важным их пунктом является не простое недопущение еще более тесного российско-китайского сближения, а стремление **разъединить две наши страны**, отдалив одну от другой как можно больше.

Свой замысел Трамп уже начал активно воплощать в жизнь. Вспомним «неожиданный» визит Си Цзиньпина в апреле с.г. в США, состоявшийся после быстрых договоренностей двух сторон, невзирая на телефонные переговоры Трампа с президентом Тайваня и его заявление о «двух Китаях».

В политике, как и в других сферах человеческого бытия, не миновать «технологических новаций». Одно из таких собственных «ноу-хау» продемонстрировал во время визита китайского гостя ему и миру Дональд Трамп, когда за десертом объявил Си о ракетном ударе по сирийской авиабазе Шайрат в ответ на якобы предпринятую войсками Б. Асада химическую атаку. Переориентирование маршрута движения авианосца «Карл Винсон» вместо Австралии к берегам КНДР — из того же арсенала.

Все это делалось с определенным умыслом. Цель таких шагов состояла, во-первых, в демонстрации Трампом его силы и твердости. Во-вторых, в определении допустимых для Америки пределов жесткости ее собственного поведения и реагирования на те вызовы, которые она может счесть для себя неприемлемыми. А, в третьих, в сопоставлении степени идентичности реакций Китая и России на действия со стороны США.

По мнению нынешних американских властей, попытка зондажа и определенного шантажа в целом удалась. Реакция КНР и России на действия США в Сирии и у северокорейских берегов не была одинаковой. А итоговым результатом для американцев стал вывод об **отсутствии** между КНР и РФ, несмотря на провозглашенные отношения стратегического партнерства, **должной сплоченности** и о возможности и целесообразности «работать» с каждой из сторон обособленно, ужесточая свои требования и выступая в качестве «держателя трехстороннего баланса», чтобы при необходимости манипулировать им.

В ходе состоявшейся 6–7 апреля во Флориде встречи Трампа с Си Цзиньпином Китай официально приветствовал участие США в сотрудничестве в рамках инициативы «Пояс и путь», одновременно предложив «укрепить механизмы диалога в военной сфере и усилить коммуникацию по основным международным и региональным вопросам».

Одним из важных ее итогов стала договоренность о создании четырех новых механизмов для диалога и сотрудничества в сфере дипломатии и безопасности, экономики, правоприменения и кибербезопасности, а также гуманитарных обменов. Была согласована необходимость упорядочения торгового баланса двух стран, который пока имеет значительный перекося в пользу Китая.

Китаю, со своей стороны, очевидно, удалось донести до сознания нового американского лидера три принципиальных постулата, непоколебимость которых жизненно важна для сохранения нормальных отношений КНР с Америкой:

- 1) принцип «одного Китая» выступает политической основой взаимоотношений двух стран и не является предметом торгов и дискуссий;
- 2) взимание Соединенными Штатами высоких таможенных пошлин на китайские товары чревато крупномасштабной торговой войной;

3) и главное: если обоюдный выигрыш достигнут не будет, неизбежен обоюдный проигрыш.

Трамп уже заявлял, что уступит Пекину по торговым вопросам в обмен на действие в нейтрализации северокорейской ядерной программы. Сложность развязывания северокорейского «узла» заключается не только в том, что Пхеньян — близкий союзник Пекина. Проблема КНДР является составной частью крупной геополитической игры в регионе Северо-Восточной Азии, от исхода которой в конечном итоге будет зависеть, чье влияние может окончательно возобладать в АТР.

Если Китай согласится «приструнить» Пхеньян, он сможет рассчитывать на очередную порцию американских торгово-экономических льгот и преференций, однако теряет «идеологическое лицо» и удобного сателлита, прикрывающего его фланги от угроз со стороны оснащенных американским оружием Южной Кореи и Японии.

Если КНР займет в вопросе Северной Кореи идеологически лояльную ей позицию, она рискует быть обвиненной в нарушении соответствующих резолюций ООН со всеми вытекающими последствиями в виде экономического прессинга, патрулирования американцами и их союзниками зоны Южно-Китайского моря и реальной демонстрации иллюзорности и несостоятельности претензий Пекина на обширные морские пространства. И то, и другое невыгодно Си Цзиньпину в преддверии XIX съезда КПК, на котором он намерен еще больше консолидировать собственную власть в партии и стране.

Российско-американские связи — одна из труднейших проблем новой администрации США. Мы сами виноваты во многом, поскольку сразу после выборов наши СМИ начали раздувать «трампоманию» и необоснованный оптимизм по поводу надежд на скорое улучшение отношений с Америкой. Ни одна из них не оправдалась.

Растерянность российской политэлиты перед нестандартностью действий нового главы Белого дома, определенной эпатажностью его поведения и манерой общения с собственными СМИ обусловила ее неспособность понять, оценить и проанализировать суть его первых шагов на президентском поприще. Кое кому грезилось, что на основе сдерживания Китая США трансформируют отношения с Россией в более близкие и доверительные. И этим ей следует воспользоваться, во-первых, чтобы реализовать все свои замыслы, а, во-вторых, чтобы держать «на коротком поводке» Китай, периодически шантажируя его окрепшими связями с Америкой. Вот почему в первые недели после инаугурации Трампа на устах нашей политэлиты вертелся «главный» вопрос: «Когда же, наконец, состоится встреча двух лидеров — российского и американского?» Но Белый дом хранил молчание.

Помимо наших собственных «проколов» на формирование антироссийской политики Вашингтона серьезно влияет атмосфера «русофобии» и «путинофобии», воцарившаяся и у законодателей на Капитолийском холме, и в главных правительственных органах и спецслужбах — госдепартаменте, Пентагоне, ЦРУ, АНБ, ФБР, министерствах финансов, энергетики и ряде других. То же самое происходит на партийном уровне. Если по многим другим политическим проблемам расхождения в позициях республиканцев и демократов порою весьма существенны, то в российском вопросе у них царит практически единодушие.

В таких обстоятельствах ждать скорого и реального улучшения отношений между США и Россией вряд ли следует. Более того, обстановка усугубляется в результате инициатив законодателей относительно принятия дополнительного пакета антироссийских санкций. Даже если в результате личной встречи двух лидеров удалось бы достичь взаимных договоренностей, области их будут весьма ограниченными. Главным образом они могут коснуться улучшения взаимодействия в ходе антитеррористической операции в Сирии. На большее Трамп едва ли отважится, пока сам находится под угрозой расследования, чреватого импичментом.

Отношения внутри «треугольника» КНР – США – РФ — одно из наиболее важных и сложных глобальных взаимодействий. Как известно, политические отношения между РФ и КНР масштабнее и богаче, чем их экономическое сотрудничество, а китайско-американские связи в торговой и финансово-экономической сферах более глубоки и насыщены, чем в политической. В то же время российско-американские отношения в стратегической области, связанные с всемирной безопасностью, являются определяющими на глобальном уровне с учетом военного потенциала обеих стран.

В предвыборных высказываниях Трампа проскальзывали намерения заняться реструктуризацией российско-китайско-американского «треугольника». Учитывая тесный характер политических связей России и Китая, он не исключил, что в перспективе Америка может оказаться в конфликте с ними обоими, и поэтому рассчитывает ослабить нагиск хотя бы со стороны одного из соперников. При этом не исключено, что укрепление антиглобалистских трендов на Западе может сопровождаться одновременной консолидацией его силовой составляющей как по военной линии, в т.ч. в рамках НАТО, так и в сфере обеспечения безопасности.

Многое указывает, что подобно Никсону Трамп стремится стать «геополитическим балансером», и в таком случае «торговля геополитикой» может превратиться в фирменный стиль нового президента.

Думается, однако, что в конечном итоге взаимоотношения в «треугольнике» будут определять не субъективные симпатии или антипатии сторон, а объективные экономические и геополитические факторы, в том числе, цена на нефть. Поддерживаемая Д. Трампом идея освобождения США от ее импорта через масштабное увеличение добычи сланцевой нефти, в сочетании с серьезным спадом экономической активности в Китае, может привести к переизбытку сырья на мировом рынке, дестабилизации и снижению цен на него, чреватому падением курса рубля. Такой же результат может вызвать повышение в США пошлины на экспорт китайских товаров.

Чтобы голос России в «треугольнике» был весомым, она должна, как минимум, обладать сопоставимой с двумя другими его участниками комплексной мощью. Явно уступая им в экономике, при определенных условиях она может успешно выступить в роли арбитра между Америкой и Китаем, если их отношения обострятся до максимума. Однако если Трамп захочет использовать Россию против Китая, нам важно не поддаваться на это и обходить острые углы в случае выдвижения со стороны США условий улучшения отношений за счет нарушения уз стратегического партнерства с КНР.

В дальнейшем не исключено, однако, возникновение ситуации, когда действие «классической парадигмы», при которой главный вызов безопасности России и США обусловлен их политикой в отношении друг друга, может нарушиться в результате усиления глобальных амбиций Китая. Поэтому идеальной для взаимоотношений трех стран уже сегодня могла бы стать модель поиска фундамента для их трехстороннего стратегического партнерства.

К сожалению, на пути достижения этого идеала воздвигнуто много нагромождений. До недавнего времени непосредственный интерес США к России в контексте АТР прослеживался исключительно через призму «китайского фактора» и сводился к оценке возможности использования ее либо в качестве союзника Америки в борьбе с опасностью усиления КНР (что абсолютно нереально в условиях американо-российской конфронтации), либо угрозы для США как сторонницы Китая.

Представляется, что реальное дело, которым «треугольник» совместно мог бы заняться уже сейчас, состоит в изыскании путей решения проблемы северо-корейской ракетно-ядерной угрозы.

(Очевидным знаком прогресса на этом пути уже стало единогласное принятие 5 августа 2017 г. Советом Безопасности ООН, членами которого являются РФ, КНР и США, резолюции об усилении санкций против КНДР).

Европейское направление в политике Пекина: глобальный и российский контексты

А.О. Виноградов, ведущий научный сотрудник ЦИПРКО ИДВ РАН, кандидат исторических наук:

Выделяются три новых фактора, возникших в европейско-китайских отношениях за последний год: обострение проблемы статуса страны с рыночной экономикой для Китая, «брекзит» и приход к власти в США новой администрации, резко поменявшей свое отношение к европейским союзникам.

Проблема статуса принципиально важна для обеих сторон с точки зрения постоянно возникающих торговых споров и антидемпинговых расследований: если страна признается рыночной, то за основу берутся ее внутренние цены, если нет, то цены т.н. суррогатной страны. В частности, вводя в апреле этого года очередные антидемпинговые пошлины на китайскую горячекатаную сталь (от 17 до 40% на 5 лет), Еврокомиссия ссылалась на цены в США, выбрав именно их в качестве «суррогатной» страны.

Споры по проблеме статуса шли на протяжении 2016 года, а их пик пришелся на саммит КНР — ЕС, прошедший летом 2016 г. в Пекине. Достигнутые договоренности не афишировались, но до декабря (когда собственно и истек 15-летний срок, после которого, по версии китайской стороны, статус рыночной страны должен был быть предоставлен Китаю автоматически) стороны старались избегать публичной полемики. Можно предположить, что Пекин соглашался на отсрочку по статусу в обмен на отказ лидеров стран ЕС от Трансатлантического партнерства.

Отказ США от своего же проекта, по сути, лишил европейцев этого козыря, что вызвало усиление давления со стороны Пекина. Именно в данном контексте стоит рассматривать беспрецедентный визит Си Цзиньпина в Европу в январе 2017 г. и его выступления в Давосе и Цюрихе, где он пытался убедить собеседников в том, что глобализация и дальнейшая либерализация торговли идет на пользу всем, а не только одному Китаю.

Тем не менее в марте 2017 г. вышел в свет доклад Торговой палаты ЕС по поводу китайской стратегии «Made in China», авторы которого предупреждали, что в результате реализации этой стратегии ЕС может потерять 170 млрд евро. Понятно, что доклад вызвал резкую критику в Китае. В апреле Евросоюз ввел антидемпинговые пошлины на китайскую сталь, на что Пекин пригрозил ответными мерами, но не конкретизировал их.

Помимо политических и финансовых, Китай на самом деле имеет и другие серьезные рычаги давления. В частности, в июле прошлого года ЕС вслед за США обратился в ВТО с жалобой на то, что КНР путем квот и вывозных пошлин ограничивает поставки в Европу ряда редкоземельных металлов. Речь идет об экспорте одиннадцати из двадцати видов сырья, стратегически важного для ЕС (графит, кобальт, хром, магnezия, сурьма, индий и др.).

В начале июня 2017 г. в Брюсселе прошел очередной саммит Китай — ЕС, в ходе которого европейская сторона пыталась обсудить с КНР проблемы экономических отношений, включая важный вопрос, позиции по которому серьезно расходятся — вопрос инвестиций. Китайско-европейское инвестиционное соглашение до сих пор не подписано, хотя прошло 13 раундов переговоров. Общий объем китайских инвестиций в страны ЕС стремительно догоняет объем европейских инвестиций в Китай (на данный момент — 74 млрд долл. против 115 млрд долл.). Китайцы настаивают на открытости европейского рынка, европейцы призывают к взаимности, подчеркивая, что Пекин ограничивает области иностранных инвестиций в свою экономику.

Европейцы также планировали обсудить с китайской стороной проблему избыточных мощностей (прежде всего в производстве стали), а также выполнение Китаем норм ВТО и решений G-20 по борьбе с протекционизмом. Однако саммит закончился, по

сути, неудачей. Из-за разногласий по торговым вопросам не смогли подписать даже заявление по поводу выполнения Парижских соглашений по климату.

Тем не менее на уровне деклараций все выглядит неплохо. Председатель Еврокомиссии К. Юнкер призвал к сопряжению Европейского фонда стратегических инвестиций (EFSI) и китайской инициативы «пояса и пути». Премьер Ли Кэцян в ответ подтвердил намерение Китая сделать многомиллиардные инвестиции в этот Фонд. Однако конкретно сопряжение выражается пока в идее создания некоего совместного инвестфонда Китай-ЕС для софинансирования общих проектов. При этом имеются в виду инфраструктурные проекты в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье, уже финансируемые Китаем. Флагманский инфраструктурный проект ЭПШП в Европе — это скоростной маршрут, который свяжет порт Пирея со странами Центральной и Восточной Европы. А пирейский порт, переданный в концессию Китаю на 35 лет, — один из крупнейших контейнерных портов в Европе.

Что касается «брекзита», то первоначальная реакция Пекина на результаты референдума в Великобритании была достаточно болезненной. Поскольку, начиная с 2014 г., именно она была главным проводником «сопряжения» китайских проектов с европейскими и основным лоббистом зоны свободной торговли «Китай — ЕС». В выступлении Си Цзиньпина на форуме ЭПШП в Пекине в мае этого года Британия была включена в число стран, с которыми Китай уже осуществил «согласование» стратегий (наряду с РФ, АСЕАН, Казахстаном, Турцией, Монголией, Вьетнамом и Польшей). То есть в случае выхода Британии из ЕС Пекин лишается, по крайней мере, некоторых уже завоеванных позиций и одного из своих главных европейских союзников.

Однако «брекзит» — довольно длительный процесс, результаты которого сегодня по-прежнему представляются неопределенными. Кроме того, помимо Британии у Пекина в рамках ЕС существует серьезный союзник в лице группы стран, входящих в формат «16+1» (страны Центральной и Восточной Европы + Китай), созданный по инициативе КНР в 2012 г. Данная структура со штаб-квартирой в Пекине и постоянными представительствами других стран-участников приобретает все большее значение для Китая. В том же выступлении Си Цзиньпин упомянул, что в формате «16+1» в рамках развития инициативы ЭПШП уже учрежден совместный финансовый холдинг.

ЕС остается крупнейшим торгово-экономическим партнером Китая. В 2016 г. объем двусторонней торговли составил 547 миллиардов долларов. Кроме того, ЕС — главный поставщик технологий для КНР, а также третий крупнейший источник иностранных инвестиций. В Китае насчитывается 43 тысячи проектов, в которые инвестируют европейские компании.

Европа по-прежнему крайне важна для Пекина и как крупнейший рынок сбыта китайской продукции, и как объект стратегического противостояния с США. Однако в нынешней ситуации все большего ослабления Евросоюза и усиления Китая китайская сторона все меньше склонна учитывать интересы европейских стран, особенно руководства ЕС, и идти на какие-то компромиссы. Китай предпочитает добиваться своих целей с помощью гибкой и агрессивной финансово-инвестиционной политики, заключения двусторонних соглашений со странами, испытывающими трудности и недовольными ЕС, а также путем создания собственных структур многостороннего сотрудничества типа формата «16+1». В КНР также звучат предложения о создании совместной структуры с шестью странами Южной Европы «6 + 1» (Греция, Италия, Испания, Португалия, Кипр, Мальта) и механизма сотрудничества для пяти стран Северной Европы «5 + 1» (Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция).

В связи с этим стоит обратить более пристальное внимание на создаваемый Китаем в ЦА новый четырехсторонний антитеррористический механизм без участия России (Китай, Таджикистан, Пакистан, Афганистан), а также на то, что в опубликованной в январе 2017 г. Белой книге КНР по сотрудничеству в сфере безопасности в АТР эта

структура стоит на одном из первых мест (ШОС — на предпоследнем, а РАТС не упомяната вообще).

Дальнейшее ослабление Европейского Союза ведет к усилению политической и прежде всего экономической активности Китая на европейском направлении. Попытки руководства ЕС сопротивляться китайской экспансии успеха не приносят по причинам отсутствия единства и все более уменьшающейся способности к принятию жестких решений. Поэтому главная опасность, которая грозит китайскому глобальному проекту со стороны Европы — это продолжение и углубление европейского кризиса. Может возникнуть такая ситуация, когда после строительства ЭПШП европейский спрос уменьшится настолько, что сам проект перестанет себя оправдывать.

В контексте европейско-китайских связей несколько слов о России.

Сегодня часто слышатся рассуждения о том, что начиная с 2016 г. торговый оборот между РФ и Китаем вновь начинает расти, и таким образом происходит возврат к ситуации, которая была до обвала рубля и падения оборота в 2015 г. Такая оценка не совсем верна. При нынешнем курсе рубля к доллару (и кросс-курсе к юаню) складывается новая ситуация, когда Россия вынуждена продавать намного больше сырья по значительно более дешевой цене и покупать продукцию китайского машиностроения по более высоким ценам. Именно это имеет в виду, когда говорят о том, что в 2015 г. товарооборот между нашими странами хотя и упал в ценовом выражении, в физическом объеме даже вырос. В этих условиях России количественный рост товарооборота скорее невыгоден. Необходимо качественное изменение структуры торговли между РФ и Китаем.

То же самое касается китайских инвестиций в РФ. Европейский опыт показывает, что они нуждаются в контроле (недаром в США существует специальная комиссия, жестко контролирующая инвестиции со стороны Китая).

Далеко неоднозначно обстоит дело и с электронной торговлей, рост которой преподносится как развитие инноваций и сотрудничества в сфере «новой экономики». Нынешняя электронная торговля, по сути, заменила «челночную торговлю», поощрение которой в 1990-е гг. способствовало массовому оттоку валютных средств из РФ и огромному росту коррупции. Рост электронной торговли объясняется отсутствием регулирующих нормативных документов и приводит к тому, что покупки россиян в Китае (по оценкам Минэкономразвития — на 3–4 млрд долл. в год) не облагаются ни налогами, ни таможенными пошлинами. При этом мизерные объемы электронных продаж России в Китае объясняются отсутствием у российских компаний опыта работы, недостаточными усилиями по «брендированию» и т.п.

Создается впечатление, что сложившаяся ситуация полностью устраивает китайскую сторону. Наличие большого числа переговорных площадок не способствует решению конкретных проблем двусторонней торговли. По крайней мере ряд из них, например, регулирование электронной торговли на территории РФ, Россия должна решить сама, без оглядки на Китай.

То же самое касается работы гидов. Россия должна перейти к международной практике запрета на работу неграждан страны в этой сфере и жестко контролировать его выполнение, даже если это вызовет недовольство китайской стороны.

Региональные вызовы инициативе «Экономический пояс Шелкового пути»

Н.А. Замаева, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук:

В последние годы регион Южной Азии (Афганистан, Индия, Иран, Пакистан) сталкивался с вызовами двух уровней: региональными и обострением двусторонних отношений.

К традиционным вызовам относятся Кашмирский и внутриафганский кризисы с дальнейшим проецированием на подрыв режима безопасности в регионе. Начиная с 2016 г. они протекают на фоне согласованной тенденции к изоляции Пакистана со стороны трех государств — Афганистана, Индии и Ирана, каждое из которых обвиняет Пакистан в терроризме. В 2016–2017 гг. резко участились и обострились пограничные афгано-пакистанские, индо-пакистанские и ирано-пакистанские вооруженные столкновения.

Отличительная черта Кашмирского кризиса на современном этапе в том, что он вышел за рамки двустороннего конфликта. В апреле 2015 г. его третьим участником стал Китай. Пекин подписал с Исламабадом пакет инвестиционных соглашений на 46 млрд долл. на строительство китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). Маршрут его проходит по территории пакистанского административного округа Гилгит-Балтистан, который географически является составной частью Кашмира. Нью-Дели считает эту территорию своей собственностью и заявляет, что это не столько территориальный спор, сколько нарушение одного из фундаментальных положений Устава ООН — принципа территориальной целостности государства. Китай и Пакистан обвиняются в захвате индийских земель. Реализация в 2016–2017 гг. первого этапа КПЭК лишь обострила Кашмирский кризис. В этом одна из причин отказа Индии от участия в Международном форуме «Экономического пояса Шелкового пути» в мае 2017 г. в Пекине, а также дальнейшего обострения индо-пакистанских отношений.

Помимо кашмирской «болевого точки» опасения у Нью-Дели вызывает милитаризация акватории Ормузского пролива. Постоянное дежурство ВМС Китая в пакистанском порту Гвадар (точка сопряжения сухопутного и морского путей ЭПШП) Индия рассматривает как потенциальную угрозу морским маршрутам поставки углеводородного сырья. Нью-Дели занимает третье место в мире по потребляемым объемам сырой нефти после США и Китая, импортируя свыше 45% ее из стран Персидского залива. Согласно информации портала gulfnews.com, в 2016 г. потребности в ней выросли на 11% и составили 200 млн тонн.

Вывод большей части коалиционных сил США и НАТО из Афганистана в декабре 2014 г. и передача контроля за режимом безопасности национальным силам не гарантировали безопасность в стране. Вызовом для региона Западной Азии в 2017 г. остается дестабилизация во внутренних районах Афганистана и одновременное дальнейшее укрепление позиций «движения Талибан» в Афганистане и других оппозиционных властям вооруженных сил. Стартовавший в июне-июле 2015 г. в Исламабаде при посредничестве официальных властей Пакистана внутриафганский процесс урегулирования провалился. Это привело к резкому обострению пакистано-афганских отношений, а главное — к потере доверия к военно-гражданскому руководству Пакистана правительства национального единства, возглавляемого президентом Афганистана Ашрафом Гани.

Очередной этап усилий по организации внутриафганского диалога стартовал в январе 2016 г. Помимо непосредственных участников он включал расширенное число международных посредников — Китай, Пакистан и США — объединенных в рамках четырехстороннего переговорного процесса. Но увеличение числа сопричастных к урегулированию конфликта, каждый из которых преследовал свои собственные цели, привело к усилению антагонизмов в среде непосредственных сторон кабульского процесса и, как следствие, к очередному провалу диалога. Формулы переговоров: «Афганистан + Пакистан» и «Афганистан + Китай, Пакистан, США» подтвердили свою неэффективность. В 2017 г. дестабилизация военно-политической обстановки в Афганистане и обострение пакистано-афганских отношений перешли на новый уровень.

Приход в январе 2017 г. к власти в США новой администрации во главе с президентом Д. Трампом принес новые ожидания для официальных властей Кабула. Они связывали их с усилением давления на Исламабад, обвиняя его:

– в укрывательстве боевиков различных антиправительственных организаций на своей территории, и, таким образом, попустительстве трансграничным нападениям на объекты в разных провинциях Афганистана;

– неспособности / саботаже Пакистана усадить лидеров афганского «движения Талибан» (ДТА) за стол переговоров;

– во влиянии на лидеров ДТА, использовании талибов как инструмента давления на Кабул, и, таким образом, продвижении стратегических интересов Исламабада в афганском переговорном процессе.

Заявления американских чиновников в мае 2017 г. о возможности увеличения в Афганистане численности американских войск на 3–4 тыс. военнослужащих вызвали крайне отрицательную реакцию Исламабада и Пекина. 1 июня 2017 г. МИД Пакистана заявил, что «...не существует военного урегулирования афганского конфликта, и подход, основанный на военном решении, на протяжении последних 15 лет не принес положительных результатов. Это следует признать. Пакистан и Китай осознают, что возвращение американских войск еще больше расшатает неустойчивый Афганистан».

Заявление Президента России В.В. Путина в дни проведения саммита Шанхайской организации сотрудничества 8–9 июня 2017 г. в Астане о возобновлении Россией посреднической миссии в афганском переговорном процессе вызвало неоднозначную реакцию в Исламабаде и Пекине. Ни Китай, ни Пакистан не заинтересованы в развитии подобного сценария в регионе. Никто, кроме Москвы, де-факто не заинтересован и в ее участии в урегулировании внутриафганского кризиса: это выглядит как активное продвижение интересов России в регионе.

На этом фоне 13 июня 2017 г. Китай предложил выступить в роли посредника на двух переговорных площадках: во внутриафганском кабульском процессе и в урегулировании отношений между Афганистаном и Пакистаном. Дипломатия «мягкой силы» и миллиардные инвестиционные проекты Пекина, а также сотрудничество в сфере реконструкции и в различных секторах афганской экономики убедили Кабул принять его предложение.

Китай не впервые выступает с подобным предложением. Еще в феврале 2015 г. министр иностранных дел КНР Ван И высказался о возможном опосредованном участии в мирных переговорах между официальными властями Кабула и «движением Талибан». «Мы будем поддерживать правительство Афганистана в вопросе примирения с различными политическими группировками, в том числе талибами... Китай готов играть конструктивную роль и оказать необходимое содействие в любое время, если это требуется различным сторонам в Афганистане». Но Вашингтон забил тогда тревогу.

Посредничество Пекина во внутриафганском диалоге представляется полезным и в дальнейшем. Китай — мировая, пограничная с Афганистаном держава. Пример КПЭК наглядно демонстрирует Кабулу решение энергетического кризиса в соседней стране, масштабное обновление сети авто- и железных дорог, строительство громадного торгового порта Гвадар, который одновременно является военно-морской базой ВМС Пакистана. Полное введение экономического коридора в эксплуатацию, по подсчетам пакистанских экономистов, повысит ВВП страны на 2%.

Современное развитие пакистано-китайских отношений по формуле «единой судьбы», т.е. совпадения коренных национальных интересов способствовало тому, что военное командование Пакистана предоставило Китаю ряд своих «талибских» активов для запуска нового этапа Кабульского процесса под патронатом Пекина.

II. Российско-китайские отношения: текущие проблемы и вызовы

Российско-китайские торгово-экономические отношения в 2016–2017 гг.

С.В. Уянаев, заместитель директора ИДВ РАН, руководитель ЦИПРКО ИДВ РАН, кандидат исторических наук:

Текущая ситуация в российско-китайских торгово-экономических отношениях складывается под влиянием известных тенденций нескольких последних лет. Первая состоит в том, что, достигнув в 2014 г. своего абсолютного пика в 95,3 млрд. долл. (здесь и далее — по данным статистики КНР), стоимостное измерение российско-китайской торговли прекратило свой устойчивый рост. В следующем, 2015 г., произошел ее резкий обвал. Объем составил 68,1 млрд долл. США, т.е. на 28,6% меньше по сравнению с 2014 г.

Причины были достаточно очевидны. Среди них — резкое падение стоимости энергоносителей и сырьевых товаров, которые являются существенной (свыше 70%) статьей российского экспорта в КНР. Сказались отразившиеся на обеих странах общие кризисные явления в мировой экономике, включая снижение спроса на зарубежных товарных рынках. Свою роль сыграли и внутренние трудности, в частности, западные санкции и девальвация рубля для РФ, общее снижение темпов экономического роста и ограничители прежней модели экономического развития для Китая. Не случайно и РФ, и КНР испытали снижение показателей не только двусторонней, но своей общей внешней торговли, пусть и в разной степени (в 2015 г. РФ на 33,2%, а КНР — на 8%). При этом Китай сохранил позиции ведущего торгового партнера России, хотя в аналогичном китайском рейтинге она опустилась с 9 на 16 место. Доля РФ во внешней торговле Китая уменьшилась с 2,21% до 1,67%.

Однако похоже, что с середины 2016 г. стала проявляться другая тенденция — признаки роста. Согласно статистике китайской таможни, по итогам 2016 г. объем российско-китайской торговли товарами вырос на 2,2% по сравнению с предыдущим годом и достиг 69,53 млрд долл.

Примечательные перемены в 2015–2016 г. коснулись структуры торговли. Так, в российском экспорте выросла доля потребительских товаров, в частности продукции сельского хозяйства и продовольствия. Кроме того, при снижении ценовых объемов, физические объемы поставок зачастую не снижались, а наоборот росли. Например, поставки сырой нефти из РФ в КНР в 2015 г. увеличились на 28,2% (до 42,43 млн тонн) при снижении стоимости на 31,1%. В части импорта из Китая в 2016 г. наметился рост (15,6%) стоимостного объема поставок машин и оборудования. Доля этой позиции в российском импорте по итогам 2016 г. является преобладающей — 58,6%.

В 2017 г. тенденция роста общих объемов двусторонней торговли проявилась достаточно весомо и определенно. За первые пять месяцев года объем торговли товарами устойчиво рос, увеличившись на 26,1% по сравнению январем-маем 2016 г. Сохранение данной тенденции по итогам 2017 г. возвратило бы российско-китайскую торговлю на позиции, близкие к показателям 2013–2014 гг.

По данным Банка России, в части инвестиционного сотрудничества на 1 октября 2015 г. объем накопленных прямых инвестиций из Китая в экономику России составлял 1,5 млрд долл., а прямых российских инвестиций в Китай — 172 млн долл. В то же время, по данным ГСУ и Министерства коммерции КНР, объем накопленных прямых китайских инвестиций в экономику России на конец первого полугодия 2016 г. составил 8,963 млрд долл., а российских в Китай — 913,58 млн долл.

Не ставя задачей выяснение причин таких расхождений, в любом случае очевидно, что объемы инвестиционного сотрудничества, пусть и выросшие в последние годы, имеют немалые резервы. По данным Банка России, Китай занимает лишь 15-е место среди стран-инвесторов, действующих в РФ. По другим данным (Министерство коммерции КНР), Россия не входит в десятку главных получателей китайских инвестиций, отставая

даже от Казахстана. К примеру, за 11 месяцев 2015 г. прямые китайские инвестиции в нефинансовые активы в РФ уменьшились на 15,2%.

Тем не менее, согласно официальным сообщениям, в рамках созданной три года назад Совместной комиссии по инвестиционному сотрудничеству обсуждаются 58 коммерческих инициатив общим объемом в 50 миллиардов долларов; 12 проектов уже в стадии реализации.

Стороны провозглашают сегодня общую задачу перехода от модели с упором на масштабы и скорость к модели с упором на качество и эффективность, выделяя такие сферы, как энергоресурсы, авиация, космонавтика и инфраструктура. Однако реализовать эту прогрессивную модель, повысить не только объемы, но уровень и качество экономических связей — задача, которая не имеет автоматических решений и требует преодоления немалого числа барьеров.

По мнению авторитетных российских экспертов, при этом следует уделить внимание трем важным вопросам. Это, во-первых, условия торговли товарами и услугами, включая достижение четких определенностей по зонам свободной торговли. Просчета требуют не только риски для РФ (наплыв дешевых китайских потребительских товаров, ограничивающий российского производителя), но и очевидные предпочтения в виде возможностей беспощинного ввоза на рынки КНР интересующих ее товаров (того же угля, который, в отличие от австралийского, облагается заметным тарифом).

Во-вторых, эксперты призывают устранить препятствия на пути торгового и инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке, решив, наконец, проблему строительства современной трансграничной инфраструктуры, включая сооружение мостов через Амур. Сюда же можно добавить старую задачу устранения сложностей, связанных с бюрократизмом и коррупционной составляющей в работе местного чиновничества.

В-третьих, в энергетическом сотрудничестве нужно проявлять необходимую адаптивность к меняющейся ситуации на мировых рынках. В этой связи принципиальную важность приобретает вопрос о том, будут ли выполнены в срок российские обязательства по газовому контракту 2014 г. У некоторых китайских экспертов в этом есть сомнения.

Работа над этими и схожими вопросами — дело непростое. Но без нее позитивный сценарий двусторонних экономических связей вряд ли реализуем.

Евразийские инициативы РФ и КНР: возможности и лимиты сопряжения

А.Г. Ларин, ведущий научный сотрудник ЦИПРКО ИДВ РАН, кандидат филологических наук:

За три с лишним года, прошедших со времени выдвижения инициативы «пояс и путь», Китай добился многого и в экономике, и в идеологии. Благодаря своей мощи и тщательно разработанной идеологической системе он становится главным политическим идеологом мирового развития. Такую картину движения вперед не смогло предложить человечеству ни одно другое государство. В китайских идеях сообщества единой судьбы — для соседей, для Азии и для всего мира — можно найти немало идеализма и наивности.

Тем не менее при обсуждении мировых дел голос Китая звучит не менее, а то и более весомо, чем голос США. Сильная сторона его идеологии — забота о всеобщем благе и готовность вносить в его достижение большой собственный вклад вместо навязывания другим своих особых ценностей.

Усилиями Китая постепенно набирает силу процесс евразийской интеграции. Китай готов присоединить к нему и Африку, которую называет ключевым звеном, и Латинскую Америку, и Океанию. Евразийскую интеграцию весомо продвигает и Россия, хотя у нее более скромные экономические возможности.

Таким образом, возникает тенденция формирования нового мирового полюса. А отсюда рождается остроумная идея сопряжения ЕАЭС и ЭПШП — процесса, в котором стороны сотрудничают на равных, что для России имеет большое значение: это для нее статусная проблема.

То же касается российской инициативы создания Большого евразийского партнерства (БЕП). Если новый Шелковый путь (ЭПШП) и ЕАЭС — это равноправные (хотя и не равные по величине) партнеры, то ЭПШП и БЕП — это по сути две формы одной и той же идеи. Они эквивалентны: любой акт экономического взаимодействия, который можно рассматривать как реализацию ЭПШП, можно зачислить и в актив БЕП. И наоборот: что сделано в рамках БЕП, относится и к ШП. Поэтому правомерно считать, что ШП и БЕП вполне сочетаются друг с другом, что способствует евразийской интеграции и идет на пользу и России, и Китаю.

Новое сближение с Россией позволяет Китаю поставить вопрос о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) с ЕАЭС. Это — давняя мечта Китая, по его инициативе она записана в Хартии ШОС. До сих пор она лежала там без движения, но теперь, когда Россия поставила задачей поворот на Восток, она пересматривает свое отношение к идее ЗСТ. Трудность здесь в том, что ЗСТ напрямую затрагивает сложную конфигурацию глубоких интересов членов ЕАЭС. Тем не менее, переговоры Китай — ЕАЭС начались и уже идут полным ходом. Однако пока они сосредоточены на более практической цели: заключении непривилегированного всеобъемлющего торгово-экономического соглашения. Создание ЗСТ ввиду сложности задачи, необходимости учитывать противоположные интересы пока отложено на будущее.

Одна из целей ЕАЭС при этом — добиться укрепления связей между членами союза, выступая в отношении Китая единым коллективом. Однако укрепление внутренних связей не мешает членам союза развивать торгово-экономические отношения с КНР на двусторонней основе. Китай наращивает объемы торговли и инвестиционного обмена с членами союза, обгоняя в этом отношении Россию; договаривается с ними о переносе производств, содействуя таким образом их индустриализации. Это — то, что не удается сделать России, хотя и является одной из основных целей ЕАЭС.

Таким образом, сопряжение Китая и ЕАЭС, выступающего в качестве единого партнера, несет для России риск определенного снижения ее влияния внутри ЕАЭС, риск усиления ориентации членов союза на Китай, что происходит параллельно с принятием важных совместных документов, сплачивающих союз. Отметим, что этот процесс касается не только ЕАЭС, но и Центральной Азии в целом.

Сочетание плюсов и минусов для России имеет место и в других областях экономики. Прокладывая новые коридоры в Европу и в восточные моря, Китай создает мощную конкуренцию Транссибу, снижает его роль трансконтинентального канала. Но вместе с тем Китай готов участвовать в модернизации его «оконечностей»: коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», а также его европейской части, по которой идут транзитные грузы из Китая через Казахстан в Европу.

Самый главный плюс, который предоставляет нам Китай — это возможность получения инвестиций. Беда, однако, в том, что мы плохо умеем ими пользоваться. Совместные российско-китайские проекты нередко остаются на бумаге, программы не выполняются, задания годами кочуют из плана в план.

Главная причина такой ситуации — не «плохое знание друг друга», (оно изживается в процессе сотрудничества), не опасения «китайской угрозы», а неудовлетворительный инвестиционный климат в стране. Изменить сложившееся положение призваны обретаемые с 2014 г. территории опережающего развития. Пока иностранных резидентов в ТОРах немного, но китайских среди них — больше половины. Насколько успешными окажутся ТОРа, сегодня определить трудно.

Впрочем, в процессе делового общения накапливаются определенные претензии и к китайской стороне. Так, попав под санкции, многие российские нефтяные компании обратились к Китаю за кредитами, но тут выяснилось, что процентные ставки у Китая выше, чем у западных банков, и наши надежды на режим благоприятствования не оправдались.

Непростые переговоры ведутся по строительству нефтепровода «Сила Сибири 2» (через Алтай): в Китай уже пришел газ из Центральной Азии, и его цена служит для него ориентиром. Для нас же Китай остается крупнейшим и фактически монопольным потребителем российского газа в Азии: чтобы найти других потребителей, нужно тянуть газопровод до побережья Тихого океана, что требует огромных дополнительных затрат.

Очевидно, китайская сторона могла бы предъявить нам еще больший набор претензий. Она могла бы также привести множество аргументов в свое оправдание. Например, она может сказать, что китайские банки были вынуждены поднять процентные ставки, поскольку экономическое положение России в тот момент выглядело менее стабильным и, значит, риски по кредитам возросли. Но факт остается фактом: в углублении двустороннего сотрудничества налицо известные успехи, но они могли бы быть более значительными. Это означает, что на наших отношениях сказывается фактор недоверия. Нам нужно полнее учитывать интересы друг друга, находить компромиссы.

Ныне, когда Россия оказалась в изоляции от Запада, часть специалистов и экспертов полагает, что в экономических вопросах Китай как стратегический партнер мог бы сделать ей кое-какие уступки.

Однако Китай четко различает политические и экономические отношения, и в экономических связях действует по законам рынка, а в отсутствие рынка пользуется преимуществами монополиста в соответствии со своими национально-государственными интересами. Никакие послабления со стороны Китая не помогут нам, если мы сами себе не поможем, подняв собственную экономику, о чем не устают говорить ведущие российские эксперты.

О роли ШОС в сопряжении Нового Шелкового пути (НШП) и ЕАЭС

Е.А. Сафронова, ведущий научный сотрудник ЦИПРКО ИДВ РАН, кандидат экономических наук:

Вероятность превращения Шанхайской организации сотрудничества в механизм сопряжения ЕАЭС и «Нового Шелкового пути (НШП)» в экспертном сообществе может оцениваться совершенно по-разному, но поскольку задача придания ШОС роли «удобной площадки для сопряжения» была артикулирована на высшем российском и китайском уровне, она требует рассмотрения.

Через ШОС, или без нее России необходим реальный режим сопряжения ЕАЭС и НШП как минимум потому, что если члены ЕАЭС будут поставлены перед прямым выбором «активность в НШП» или «активность в ЕАЭС», то этот выбор наверняка будет сделан не в пользу Евразийского союза. Предложив новые проекты с хорошим бюджетом, КНР может мотивировать страны-члены сузить их лояльность ЕАЭС. РФ надо это учитывать, чтобы не остаться в союзе пусть не де-юре, но де-факто в одиночестве. В контексте упреждения такого риска весьма позитивно то, что Россия уже немало сделала на пути сочетания ее собственной экономики с проектом «пояса и пути».

ШОС обладает качествами как благоприятствующими выполнению задачи сопряжения, так и препятствующими ему. Она имеет 15-летний стаж институционализированной организации; ныне ШОС — признанное международно-дипломатическое формирование с большим опытом работы с многосторонними международными структурами хотя бы на уровне официальных деклараций (ООН, ЕС и др.). Кроме того, семь стран ШОС — участники НШП, а три — еще и члены ЕАЭС. А главное — ШОС во многом

опирается на политический авторитет и экономическую мощь КНР, которая дорожит Организацией — своим детищем, первой и единственной международной региональной структурой, целенаправленно созданной для обеспечения китайских политико-экономических интересов в режиме «on-line», где Китай играет роль естественного лидера.

Любой явный неуспех ШОС, включая провал искомого верха сопряжения с Евразийским союзом, может нанести ущерб имиджу КНР, который особенно нежелателен в свете генеральной идеологемы «возрождения китайской нации». Думается, что Пекин скорее пойдет на дополнительные и немалые финансовые издержки, нежели позволит снизить с таким трудом достигнутый международный авторитет ШОС.

Выполнению названной задачи препятствует лабильность целевого назначения ШОС. Шанхайская группа создавалась для решения территориально-пограничных вопросов, после ее ключевой задачей стала борьба с «тремя злами», далее на щит были подняты вопросы экономического взаимодействия, а ныне — противодействие экстремизму. Функциональная неопределенность не добавляет эффективности ни одной международной структуре, как и несостоятельность *коллективного* экономического взаимодействия, которая тоже имеет место.

Экономическая жизнь в ШОС идет по двусторонним каналам, и Китай часто «приписывает» достижения его двустороннего сотрудничества успехам всей Организации. Это имеет немалое пафосно-имиджевое значение. А по сути КНР сама предпочитает действовать в диалоговом режиме, ибо он позволяет вести дела так, как Китай считает нужным, причем без оглядки на настроения третьих стран-партнеров по ШОС.

Однако долголетие многосторонней организации все-таки зависит от успехов коллективного уровня. Отсюда встает вопрос о мере соотношения в ШОС роли двустороннего и коллективного взаимодействия, внутреннего строительства и внешних связей. Поиск меры — сама по себе сложнейшая, даже философская задача. Незрелость ШОС проявляется в неэффективности сочетания двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества, а нахождение такой меры есть признак не только зрелости, но и «этапности» международной структуры.

Чревато рисками и само расширение ШОС: индийско-пакистанские противоречия, привнесенные на «шосовскую» почву, повышают конфликтогенный потенциал Организации. А турбулентной структуре всегда труднее налаживать связи с внешними контрагентами (в данном случае — с ЕАЭС), хотя бы ввиду повышенной сложности внутренних согласований, усугубленной принципом консенсуса.

Однако специфика текущего этапа такова, что сейчас обстановка в ШОС благоприятствует российским интересам: ныне в качестве основной выступает политико-безопасоберегающая функция Организации. Растут угрозы со стороны международного терроризма, а главное — все правящие режимы стран ШОС заинтересованы в своей незыблемости, им не нужны «цветные революции», и то, чего они хотят — стабильность внутри и по периметрам их стран. Кроме того, Китай нуждается в неуязвимости его многомиллиардных вложений в страны Центральной Азии. И в этой ситуации Россия как обладатель сравнительного преимущества в виде великого опыта оборонной работы, оказывается в особом положении, не уступающем по *политической* весомости позициям КНР. А поскольку РФ в обозримом будущем не составит Китаю *экономическую* конкуренцию ни в ШОС, ни в Азии в целом, ей надо искать не только и не столько экономические пути сопряжения ЕАЭС с НШП.

РФ могла бы войти в режим сопряжения, взяв на себя охранные функции НШП (конкретнее — ЭПШП) хотя бы на территории ЕАЭС, и — в силу перекрестного членства в двух организациях Казахстана и Киргизии, — частично в пределах ШОС. Поскольку у стран-членов ЕАЭС/ШОС еще сохраняются «наработки» общей военной истории, создание объединенного командования сил охраны при нынешнем составе

ЕАЭС представляется более выполнимой задачей, нежели создание аналогичной структуры для всего «пояса».

Роль ШОС в сопряжении могла бы быть реализована и на пути придания Организации функции «департамента» ЭПШП. «Экономический пояс» (как и НШП в целом) не имеет своего бюрократического аппарата, наличие которого считается чуть ли не главным признаком институализации международной структуры. В плане выработки текстов полезных документов ШОС не беспомощна: из под пера ее экспертов выходят весьма грамотные, юридически фундированные материалы. Поэтому она, видимо, могла бы заняться нормативно-документарным обеспечением деятельности по меньшей мере ЭПШП, шире задействовав экспертный потенциал стран-«перекрестных» членов ШОС/ЕАЭС.

Думается, что по вектору «ШОС-НШП» уже действует фактор сопряжения. У обоих проектов — единый главный «спонсор», а реалии мировой экономики таковы, что начинания, «повязанные» общими деньгами, по принципу сообщающихся сосудов демонстрируют особую зависимость друг от друга. В силу этого влетение ШОС в ткань «пояса» видится залогом не просто долголетия, но и благосостояния Организации, ибо при всей своей мощной ресурсной базе Китай вряд ли сможет адекватно обеспечивать потребности двух проектов как автономных друг от друга «организмов». Поэтому их сопряжение — не только дело престижа КНР, но и необходимость. И России следует использовать это обстоятельство.

Реализация проекта «Экономического пояса Шелкового пути» как механизма геополитики КНР в постсоветских странах

А. Ч. Мокрецкий, старший научный сотрудник ЦИПРКО ИДВ РАН:

2017 — юбилейный год для стран СНГ и КНР. Ровно 25 лет назад постсоветские страны одна за другой установили дипломатические отношения с Китаем. Спустя четверть века Пекин, максимально заинтересованный в реализации собственных задач (особенно через мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути»), комплексно осваивает регион, увязывает собственное развитие с развитием каждой из этих стран. Очевидно, что заинтересованность Китая в государствах, граничащих с его важным партнером — Российской Федерацией — не ослабевает, а многогранно увеличивается. Поэтому изучение влияния китайского фактора на бывшие государства СССР представляет научный и практический интерес.

Страны региона считают китайское направление одним из приоритетных в своей внешней политике и международной торговле. Они подтверждают приверженность политике одного Китая по вопросам Тайваня, Тибета и Синьцзяна. В ответ на это КНР избегает вовлечения в региональные конфликты (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Крым, Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика), призывая к решению территориальных споров и региональных конфликтов путем политических консультаций и дипломатических переговоров согласно Уставу ООН и международному праву. В частности, Китай подтверждает «содействие... в урегулировании карабахского вопроса исключительно мирным путем», а также призывает обе стороны проявить «сдержанность» и «спокойствие».

Пекин внимательно следит за развитием украинского кризиса, придерживаясь позиции «справедливости и объективности». В прессе появляются комментарии о том, что «все политические силы Украины должны... достичь единства по продвижению внутренних реформ и всестороннему выполнению Минских договоренностей». Вместе с тем, подчеркивается важность поддержки со стороны международного сообщества.

Наблюдается динамика политических контактов на высоком и высшем уровнях. Форум «пояса и пути» в Пекине посетил Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, нахо-

дившийся с государственным визитом в КНР 13–16 мая 2017 г., были представители Азербайджана, Армении, Грузии, Молдовы и Украины.

Каждая из постсоветских стран надеется стать важным транзитным элементом в инициативе «пояса и пути» и извлечь выгоду из собственного географического положения. В частности, А.Г. Лукашенко неоднократно заявлял об «интеграции интеграций»: Белоруссия как «страна, открытая всем геополитическим и экономическим ветрам» должна «стать одной из узловых платформ нового Шелкового пути в Евразийском регионе». В этих целях им ставится амбициозная задача ежегодного привлечения в каждую область Республики не менее 100 млн долл. прямых китайских инвестиций.

Украина продвигает проект Транскаспийского транспортного пути в обход России. Экспериментальный контейнеровоз с украинскими товарами был запущен в январе 2016 г., пройдя от станции Изов на границе Украины и Польши до станции Достык на границе Казахстана и КНР. При этом Китай положительно оценил данную инициативу Киева.

Китайская сторона внимательно присматривается к инфраструктурным проектам в странах Закавказья: строительству порта Алят в Азербайджане, железнодорожных магистралей Иран — Армения, Баку — Тбилиси — Карс, проекту реабилитации аэродрома в регионе Гурия, развитию Потийской свободной индустриальной зоны в Грузии, автомобильным дорогам «Север-Юг» в Армении.

Отдельно следует выделить проблему **финансово-экономической кооперации**. Пристальное внимание уделяется **торгово-экономической кооперации** на двустороннем уровне. Китай продолжает проводить жесткий курс, создает асимметричные модели кооперации, формируя пассивный баланс торговых отношений с постсоветскими государствами, широко использует географическое положение этих стран как экономических и логистических плацдармов для европейского рынка, предоставляет кредиты под конкретные проекты и гранты для реализации совместных программ (кредитную линию на сумму около 15 млрд долл. для Белоруссии, 200 машин «Скорой помощи» Армении стоимостью 9,8 млн долл., 23,5 тыс. новых компьютеров украинским школам и оборудование для трех лингафонных кабинетов в Киевской гимназии восточных языков № 1).

Примечательно, что КНР активно стремится к созданию сети зон свободной торговли в постсоветских странах. Так, Грузия является первым государством в Закавказье, с которым Китай оформил соглашение о ЗСТ. Подписание состоялось на Форуме «пояса и пути» 15 мая 2017 г. Вице-премьер, министр экономики Молдовы О. Калмык, выступая на форуме, также заявил о скором подписании подобного соглашения. Поступает информация о том, что Китай заинтересован в создании ЗСТ с Украиной и Азербайджаном.

Расширяется **финансовое сотрудничество**. В странах бывшего СССР Китай открывает новые банки (банк для развития Грузии с основным капиталом 1 млрд долл.) или приобретает их (покупка на аукционе 99,9% акций Украинского банка реконструкции и развития). Кроме того, Пекин активно скупает облигации: более 7 млрд долл. направлены на проекты в сельскохозяйственную, энергетическую, инфраструктурную и другие сферы на Украине.

Китай продолжает проводить глубоко эшелонированную, «хладнокровную и сдержанную экспансию» в постсоветские страны, активно используя ресурсы «пояса и пути» и его составляющей — ЭПШП. Вместе с тем, поддерживаемый элитой этих государств мегапроект «пояс и путь» вызывает беспокойство среди простого населения. Происходят уличные манифестации в Грузии (конфликт во время строительства железнодорожного тоннеля), молдавские экологи высказывают опасения по поводу возведения в Молдове атомной электростанции, а жители Белоруссии возмущены строительством китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень», поскольку считают его неким «чайна тауном».

В то же время Пекин внимательно отслеживает реакцию на свои действия в странах-партнерах и старается принимать оперативные меры по разрешению возникающих конфликтов.

Таким образом, влияние китайского фактора на постсоветские страны в ходе реализации инициативы «один пояс, один путь» впредь потребует подробного, постоянного анализа, в том числе в интересах прогнозирования российско-китайских отношений.

Проблемы взаимодействия двух стран в транспортно-инфраструктурной области

С.Л. Сазонов, старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая (ЦСЭИК) ИДВ РАН, кандидат экономических наук:

На фоне создания китайских альтернативных маршрутов транзитных перевозок в направлении Азия — Европа российскому руководству необходимо отказаться от упования на мифические географические, транспортные и иные преимущества, которые способны автоматически гарантировать РФ место среди стран, обеспечивающих наполняемость своих транспортных сетей евроазиатским транзитным потоком грузов. Воспользовавшись нашей затянувшейся выжидательной позицией по вопросу развития дальневосточной транспортной инфраструктуры, Китай и другие морские державы АТР уже практически выдавили Россию с рынка евразийского грузового транзита.

В стратегическом плане китайский фактор доминирования на рынке морского евразийского транзита может иметь негативные последствия для планов превращения транспортной системы РФ в значимое звено транзитных перевозок по маршруту Европа — АТР.

При отсутствии конкурентоспособной транспортной сети стремление России внедриться в глобальную транзитную инфраструктурную интеграцию сводится к минимуму. Ожидать того, что страны АТР одновременно захотят воспользоваться российским маршрутом для перевозки своих товаров в Европу, а китайские морские перевозчики и страны Центральной и Южной Азии «добровольно отдадут» весомую часть своего транзитного грузопотока России, крайне нереалистично.

Реализация конкретных предложений по развитию транспортной системы Дальневосточного федерального округа (ДФО) РФ и формированию новых конфигураций совместной российско-китайской приграничной инфраструктурной интеграции позволит увеличить уровень надежности транспортного сообщения между РФ и КНР, заинтересовать и побудить Китай к транзиту грузов из стран АТР в Европу через территорию РФ по российским маршрутам. Если Россия с помощью Китая сумеет обеспечить повышение пропускной способности восточного полигона Транссиба и дальневосточных портов, то у нее появится наиболее реальный шанс превратить ДФО РФ в значимое звено транзитных перевозок из Северо-Восточного Китая (СВК) в страны АСЕАН. Наличие такого ключевого азиатского партнера как КНР в этом стратегически важном проекте может оказаться самым ценным преимуществом.

России необходима долгосрочная стратегия присутствия в АТР, опирающаяся на интегрированное объединение российской транспортной системы с инфраструктурной сетью КНР, являющейся ключевым звеном евразийского транзита и способной обеспечить органичное встраивание российской транспортной сети в евразийскую транзитную инфраструктуру. Следует реализовывать совместные инфраструктурные проекты и определять оптимальные варианты встраивания приграничного российско-китайского транспортного взаимодействия в складывающуюся парадигму евразийской инфраструктурной интеграции, от возможности присоединения к которой и использования ее синергетического эффекта потенциальную выгоду смогут получить все участники евроазиатского транзитно-транспортного проекта.

Сегодня транспортная инфраструктура СВК в направлении российской границы до основных железнодорожных пунктов пропуска в значительной степени недогружена. Поэтому, первоочередная задача заключается в коренной модернизации транспортного

комплекса ДФО РФ с учетом характера перспективных грузопотоков и переводе на плечо участка ДВЖД Забайкальск/Гродеково — тихоокеанские порты РФ существенной части грузов, произведенных в северо-восточных и центральных провинциях КНР для последующей их транспортировки в Европу и восточные порты КНР.

Поскольку сегодня пропускные возможности Транссибирской магистрали ограничены, то часть этого транзитного грузопотока может быть переключена на китайские железнодорожные магистрали, идущие в направлении российского Дальнего Востока. Потенциальная величина транзитного транспортного грузопотока из центральных и северо-западных провинций КНР превышает 45 млн т, что может увеличить грузооборот портов за счет возросшего объема транзитных грузов в 1,5 раза. Резкое повышение транзитных перевозок по восточному полигону Транссиба к морским портам Приморья станет не только мощным импульсом развития региональной инфраструктурной интеграции и примером сопряжения инициативы ЭПШП и приоритета развития ДФО, но и значительным вкладом в развитие экономики субъектов ДФО и провинций СВК.

Главным условием успешного развития транзитных транспортных коридоров на территории РФ является изменение основных параметров перевозки транзитных грузов. Следует сокращать сроки прохождения транзитных грузов через пограничные КПП до 5–4 часов, снижать время перевалки в приморских портах с нынешних 25 часов до 10 часов, добиваться уменьшения как минимум на 50% величины тарифов на транспортировку транзитных грузов железнодорожным и автомобильным транспортом.

При выполнении этих условий сроки и цена перевозки транзитных грузов по российской территории станут крайне привлекательными для китайских и других азиатских грузооператоров и, совершенно очевидно, будут генерировать ощутимый конвертируемый результат. По мнению главы Минвостокразвития А. Галушки, развитие международных транспортных коридоров в Приморском крае обеспечит потенциальный прирост ВВП РФ в размере 29 млрд руб., а налогов и сборов — до 5,7 млрд руб. ежегодно.

© 2017

*Подготовил А.С. Исаев, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН*